

Житков Борис Степанович
Без совести

Б. Житков
Без совести
Повесть

1.

- Я ничего не хочу вам говорить. Важно впечатление свежего человека, сказал мне мой приятель-доктор.

А мы шли по ковру, по длинному коридору мимо белых дверей с номерами. Часовой молча проглядел серьезными глазами мой пропуск, кивнул головой в фуражке и пошел за нами, редко шагая.

- Вы несколько не трусите? - и доктор плотней прижал локтем мою руку. - У него шок. Психический шок. Но мы ничего не можем добиться. Он молчит. Может, вам удастся...

Доктор переходил уже на шепот. Я понял, что теперь близко. Очень уж угрожающе, показалось мне, горели лампочки под деревянным потолком. Я хотел присесть на деревянный диван в простенке, выкурить папиросу. Но мне было стыдно служителя, который сбоку ковра деловыми шагами опередил нас. Он быстро вставил ключ и распахнул дверь, когда я поравнялся. Доктор отстал на шаг. Я вошел.

В конце палаты, спиной ко мне сидел человек, подперши руками голову. Он не оглянулся, когда я вошел. Я ожидал увидеть в больничном халате мощную фигуру, человека, готового к рукопашному наступлению. Он был в пиджачке и с тонкой шеей. Из коротких рукавов палками торчали тощие руки, подпиравшие голову с жидкими липкими волосами. Я перевел дух. Я кашлянул. Он не двигался. "Спит", - подумал я. Но в эту же секунду человек стал медленно поворачиваться ко мне. Он шурился от света, идущего с потолка. Серое простое угреватое лицо с дряблыми губами. Лицо трактирного подавалы прежних времен. Он усталился на меня, разглядывая. Нога на ногу.

- Позвольте представиться, - громче, чем думал, сказал я и назвал свою фамилию.

Он ничего не ответил и медленно стал улыбаться. Я не отрываясь глядел на эти губы, пока образовывалась улыбка. Улыбка образовалась, застыла. Я опешил. Я никогда этого не видел: это была жалкая улыбка совершенно раздавленного, уничтоженного человека и в то же время отвратительно наглая. Даже не то! Исполненная совершеннейшего, бездонного цинизма, существование которого даже трудно предположить на земле. Мне хотелось зажмуриться, чтоб не видеть этого. Но что-то сковало мои веки, и я смотрел во все глаза. Вероятно, так глядят прохожие на падение человека с высотного дома, не в силах отвести ужаснувшихся глаз. Так прошло с полминуты. Он молча стал подниматься, все так же улыбаясь, и двинулся ко мне. Я посторонился, не дыша. Он прошел мимо. Он сел на койку, что стояла у дверей, опер локти в колени. Теперь он глядел в пол и его дряблые веки хмуро обвисли. Он показал жестом на стул, с которого только что встал. Я предпочел сделать вид, что не заметил его приглашенья. Что за маневр занять выход!

Я стал ходить по палате. Не для него, а для себя уж самого, я должен был начать говорить. Что-нибудь, но сейчас же.

- Я литератор, - почти крикнул я. - Писатель. Понимаете? - Я на миг остановился, глядя поверх его головы. Я хотел его подкупить, я стал говорить в духе

этого цинизма, что так пронзил меня в его улыбке.

- Я хочу заработать. Заработать деньжонок. Понимаете? - Я потер пальцами тем вульгарным жестом, которым обозначают монеты.

- Ну-с, а вот писать мне нечего... И выпить не на что. Рюмашку! - Я развязно запрокинул голову и щелкнул себя по воротнику.

- Алле гоп! - и я прищелкнул пальцами.

Он неподвижно глядел в пол.

- А вам разве не хотелось бы того? А? По единой, черт возьми! - Я уж не знал, что я говорил, но оставалось хлопнуть его по плечу. Я не знал, что из этого выйдет, но я с отчаянием, поверх страха, неловко шагнул к нему и хлопнул по плечу с размаху. Он вздернул плечом и прищурился на меня, но я успел уже повернуться спиной.

- И понимаете, мне хотелось бы, чтобы вы рассказали мне что-нибудь. Про ваши дела легенды ходят. Ну, наврите, еще лучше. Нагородите чего-нибудь, - я ходил мимо него, вышагивая и глядя себе под ноги. - Наврите, родной, ахинеи какой-нибудь. Честное слово, никто ж этого не станет считать за показание - так и начните: чистейшее, мол, сочинение или непринужденная выдумка в часы досуга... Начните хоть так: все это враки, что люди... а что, мол, по-настоящему... и я, мол, врал так, и вы тоже врете, и вообще... И врете, врете сплеча, - кричал я.

И тут я махнул, чтоб показать лихо, как это врать сплеча, и сильно ударился рукой о край стола. Я невольно сунул в рот ушибленные пальцы.

Он усмехнулся весело.

- Что, - здорово треснулись? - это первое, что я от него услышал. - В кровь?

Я искренне пожалел, что на этот раз не в кровь.

- А вы валяйте в кровь! Врите в кровь, честное слово.

- А мне врать не надо, - сказал он.

- Да я-то все равно разберу, где что, - и я фамильярно прищурился. И тотчас испугался, не напортил ли дела.

- Я рассказывать ничего не буду, - угрюмо сказал он. И снова устался на пол. - Есть закурить?

Я быстро подал портсигар и спички.

Все сорвалось. Я молчал, пока он закуривал. Я не знал теперь, что говорить. И я стал дуть на пальцы, хотя они уже не болели.

- Вы молчите и то врете, - сказал он, затягиваясь, - вы тоже хлюст не похуже меня. Только мне все равно, а тебе надо с кандибобером как-нибудь.

- А коли тебе так уж все равно (черт возьми! Я даже сел с ним рядом на постели) - так вали, расскажи.

- А ты переврешь.

- Ну, шут с тобой, напиши! - И я хлопнул по коленке. По своей, конечно. - Я тебе бумаги пришло. Я их уговорю, дадут, дадут. Напиши! - И я стал осторожно раскачивать его за плечо, - тебе же все равно, говоришь.

Я все не глядел на него и приговаривал:

- Все равно! Все ведь равно... А?

И тут почувствовал, что он на меня глядит. Я невольно взглянул ему в лицо. В самые мне глаза глядела опять та улыбка, которой он меня встретил.

Я быстро вскочил и нажал ручку двери. Дверь сейчас же отворили.

- Тютя! - услышал я вслед.

Доктор, часовой, служитель - все стояли по ту сторону двери. Мне было нестерпимо стыдно: все, значит, слышали. Позор, позор! Я быстро пошел, сбивая ногами ковер и спотыкаясь.

Доктор догнал меня. Я слышал, как он говорил:

- Все же удача, удача! - и похлопывал меня по спине.

"Все же" - это то есть, несмотря, мол, на идиотство моего поведения?

2.

Через десять дней, в которые я избегал встреч с моим приятелем-доктором, мне принесли на дом пакет.

На машинке была написана целая тетрадка. И письмо рукой доктора. Я чувствовал, что краснею. Доктор писал:

"Ваши трофеи. Неожиданные, сознаюсь. Положили бумагу. Пять дней лежала так. На шестую ночь стал писать. Материал, может быть, и для вас".

Я открыл тетрадку и начал читать.

"Когда маму хоронили в мороз, так я был рад, что тетке пришлось всю дорогу мерзнуть. Она и плакала только от холоду. А маме было хоть бы что. А когда стали засыпать, я видел, как тетка первая взяла мерзлый ком глины, и отлично я видел, как она с силой швырнула его сверху в гроб. Стукнуло, как камнем. Даже могильщики поглядели. Тетка сделала преподобную рожу и завyla сиплым голосом. А как ехали в трамвае с кладбища, тетка на весь вагон мне говорила: "Береги, Петя, совесть; без совести не проживешь". Наши билеты кончились, надо было брать другие, тетка стала всхлипывать. Все на нее глядят жалостливо. Проехали зайцем до дому, а тут она вдруг как вскочит и давай орать:

"Ой, проехали, ой, с горя и не увидели", - и скорей в двери.

Дома сейчас же, не раздеваясь, схватила мамину подушку и ушла. Пришла через час и заперлась в уборной. Я уж знал: купила морфию и вспырынулась. Потом сидела на кровати, ноги поджавши, и хлопала глазами, как сова, пока не повалилась на подушку. Тогда я обшарил ее и нашел 87 копеек, что осталось от маминой подушки. У нас дома все мамино. Я взял 87 копеек, запер тетку в квартире и пошел в кино. В кино как раз передо мною пол-экрана закрывал какой-то дылда. Свет погасят, он котиком к своей барышне жметя, что-то мурлыкает. На экране показывали пожар на корабле, и люди, как мыши, бегали и давили от страха один другого. Все в зале чего-то хохотали. И я подумал: если сейчас бы загорелось в зале, то вы не хуже, как на экране, друг друга топтали бы. Я досмотрел, пока было интересно, и когда все глядели, как кавалер с барышней катаются в лодке, я крикнул во всю глотку: "Пожар!! Горим!!" Музыка оборвалась, все вскочили, завертели головами и бросились кто куда. Этот дылда калошами прямо на колени вскочил своей барышне. Все визжат, ревут и прямо по стульям напролом рвутся к дверям. И вой такой, что страшно. Во всех дверях верещат бабы, а мужчины рвутся и, как скоты на бойне, ревут бычьим голосом. Я не двинулся, я дождался, чтоб вокруг меня стало пусто. Тогда я вскочил заднему на плечи и на четырех, как собака, побежал по людям к двери. По дороге плевал всем в хари, а они были зажаты и ничего мне сделать не могли. Я вылез и пошел на угол смотреть, как едут пожарные.

Дома тетка уже очухалась и лазала по квартире, как мокрая муха. Шмыгала носом и приговаривала:

- У тебя, Петя, ни на грош совести: запер старушку. Старушечку. - И опять носом шмыгать.

На другой день, пока я ходил в школу, она загнала татарину всю мамину постель - я это знаю от соседского мальчика. А мне сказала, что отдала в детский дом для доброго дела. В мамину память. А сама три раза при мне запиралась в уборной. Я перестал ходить в школу, стал стеречь квартиру. Но тетка, видать, столько напаса этого морфию, что наспринцовывалась целую неделю и потом совсем легла, и видно, что стала помирать. Пришла соседка и говорит: "Ей надо воды согреть и кофию дать, у меня плита горит... Давайте я вам кофейничек поставлю. Тетка у вас умирает, молодой человек, а вы без всякой совести". И взяла кофейник. Только я его и видел. Потом приходила, будто больную сторожить, и не стало после нее последнего сахара. Тогда я не стал ждать. Я брал вещи, таскал их на барахолку. На дворе меня жильцы перехватывали:

- Как вам не совестно, молодой человек.

А я говорил:

- Тетке на лекарство.

Тогда все наперебой;

- Если недорого, мы это зеркало возьмем, - и давали за зеркало в раме 40 копеек.

В два дня я все позагонял на барахолке, это можно вынести. А столы и шкафы не стала давать соседка кричит: "Я милицию позову. Совести в тебе, мерзавец, ни полвершка!" А я ей пообещал третью долю, и она при мне с маклаками рядилась и кричала им:

- Совести в вас, ироды, на волосок собачий нету.

Я поглядел на тетку и увидел, что ей осталось не больше получаса до смерти. Под ней оставалась кровать железная и постель. Я увидел, что этого на похороны будет мало и возьмут меня за бока. Какого черта тратиться, да и возня. Я сказал соседке, чтоб посидела, а я побегу за доктором. Я вышел, плюнул на порог - и Петькой звали. Пусть как хотят.

3.

Я пришел к родителям одной девочки, она училась со мной в одном классе, и сказал, что у меня дома все умерли, мне негде жить. Все сделали длинные морды, говорили: "Ай-ой-ай"-и мамаша стала доставать из буфета варенье - положила две ложечки. Я съел варенье и спросил: нельзя ли у них мне жить - мы с Тоней в одном классе. Они сразу нахмурились и говорят:

"Как же, а в детский дом?" Я сказал, что я большой уж и меня никуда не берут. И они запели в два голоса:

- Какое время бессовестное, какое правительство у нас бессовестное. Раньше наверно бы...

А я сказал:

- За меня будут платить.

- Ах, так! - говорят. - Много ли? Кто это?

Я сказал, что из Пскова дядя мне прислал. И стал с ними торговаться. Они уходили шептаться раз пять и насилу дошли до тридцати рублей: одни харчи и квартира. Я дал вперед 15 рублей. У меня осталось 76 рублей с мелочью.

Тоня была хорошенькая, с рыжими локонами. Когда ее учитель спрашивал по арифметике, она улыбалась ангелочком и встряхивала кудряшками. Зубы у ней

были на редкость, а теперь я узнал, что она их по полчаса щеткой утром и вечером натирала. Порошку зубного уходило больше, чем хлеба.

А мне учитель всегда говорил: "Надо добросовестно готовить уроки. Понимаешь? Добро-совестно. Значит, с доброй совестью", - и ставил неуд, хоть я все знал.

А Тоня ничего не знала, и он таял и хвалил ее каждый раз. Дома Тоня рассказывала, как я получал неуды, а ее хвалили, и приговаривала: "Это так просто. Надо только добросовестно, с доброй совестью", и подымала бровки.

Я сделал вот что: попросил одного мальчика толкнуть меня, когда мимо будет проходить Тоня. Он так и сделал на перемене. Я представился, будто падаю, и локтем угодил Тоне в зубы, со всей силы. Она вскрикнула, упала и стала реветь на полу. Я первый к ней: ах, ох. Оказалось, дело вышло: я выбил ей спереди два зуба, как срезал. Губы у ней вздулись шаром. Никто не знал, что я нарочно. Она после этого перестала улыбаться учителю во весь рот.

Этот ангелочек, между прочим, курил - дома я ее поймал.

Раз я на уроке отпросился выйти и пошел в уборную курить. Через две минуты слышу голос: "Петя, ты один?" Валит сюда же Тоня-дай ей папироску. Я папироску дал, а спичкой все дразнил. Она гонялась с папироской во рту и трясла кудряшками. Я будто невзначай подпалил. Волосы спереди вспыхнули. Я сам и погасил. Но вышла на лбу лысина. Она прямо из уборной в раздевалку -и домой. Рассказать никому не смеет. Дома пришлось все кудряшки обкорнать, вровень с лысиной.

С тех пор по арифметике у ней было плохо, и грозить стал учитель, что оставит на второй год. А я ей твердил, когда она ревела:

- Готовить надо добро-совестно. Добрую совесть надо иметь.

Я не дожид еще двух недель у них и вот утром, еще в постели, слышу, говорит Тонина мать:

- Я сегодня же пойду и заявлю заведующему - это растет преступник.

А отец Тонин промямлил:

- Может быть, это ряд роковых случайностей. А впрочем...

Я понял, что это про меня и что Тоня все рассказала матери. Я сделал вид, что сплю; а когда эта баба полетела к заведующему (ни свет ни заря от нетерпачки), я быстро оделся и сказал Тонинному отцу:

- Верните мне три рубля, я сегодня съезжаю,

- Почему это?

- Клопы и антисанитарно. Воняет, не слышите? - И потянул носом. Он тоже.

- Не слышу. А впрочем... - Ковырялся во всех карманах и набрал два тридцать пять. Плакал, что на трамвай не осталось даже. Я сказал, что у Тони накоплено на целый рубль пятаков от завтраков. Он мне стал разводить волюнку, что бессовестно сейчас будить ребенка.

А я видел, что Тоня со всей силы нарочно жмурит глаза. Я стал собирать свои книги, а мимоходом завязал на Тонинном платье на рукавах по смертельному узлу и в каждый узел затянул по пятаку. И я ушел на вольный свет. У меня в кармане было 73 рубля денег и была моя метрика, где было написано, как меня зовут, чей сын и когда родился.

Возвращаться в школу - это значило наверное попасть в историю и оказаться

в какой-нибудь каторжной школе для дефективных. Идти жить мне было некуда. Другой бы в мои четырнадцать лет пропал: прожил бы деньги и пошел бы беспризорничать. Так бы и должно было случиться с дураком. Но я не дурак, а, по моему, даже поумней многих. И я не пропал. Я искал работу, нашел, переменял 37 хозяев. Одно время плавал радистом на пароходе, но высадили - заподозрили в контрабанде. Но это все неинтересно. Интересное начинается с того времени, как я стал уже электромонтером; я научился проводить в домах освещение. Я работал всегда один, даже вдвоем-терпеть не мог: я еще не видал товарища, чтобы не норовил сесть тебе на шею.

4.

И вот один раз мне попалась работа; перетянуть наново в одной квартире все шнуры. В квартире было три комнаты с кухней. В кухне глухонемая чухонка, а в квартире - длинный и тощий человек лет 35 и кот. Больше никого. И вдруг из соседней комнаты слышу: "...да, да, тогда вся земля содрогнется". Я подумал: с кем это он там? Я подставил к двери мою стремянку. Над дверью было стекло. И через это стекло мне видна была вся комната. Тощий был один, и это он говорил сам с собой, потому что и телефона не было в комнате. В комнате был диван, мягкая подушка и одеяло комком в углу дивана, а посреди комнаты длинный стол и на нем чертежи, чертежи. В углу кучкой свалены книги. Тощий ходил мимо стола, останавливался, закрывал глаза и морщился, а затем поворачивался к чертежу, стирал резинкой, подправлял. Я бросил работать и только для виду стучал время от времени молотком по шлямбуру, а сам все глядел на этого сумасшедшего. И я сразу решил, что это какой-нибудь горе-изобретатель.

Я сам тоже изобретатель. Изобретение мое простое и верное. Если я работаю в богатой квартире, то начинаю поминутно выходить на лестницу. В таких квартирах не любят, чтобы дверь болталась. Запирают. Я звоню со всех сил. Вхожу и снова на лестницу. Хозяевам надоедает, и они дают мне на время ключ от французского замка.

У меня - мастика. Выдавил - и ключ отпечатался.

Вот и все изобретение. Затем я делаю копию ключа, план квартиры зачерчиваю - где выключатели, где шкафы, где сундуки. План и ключ передаю одному человеку и, конечно, даю адрес. Это все. Будьте покойны - квартиру очистят в лучшем виде. Но не раньше чем через три месяца. Свой пай за наводку и ключ я получаю деньгами. Я купил за 15 рублей покойнический паспорт, и на имя этого покойника в сберегательной кассе у меня уже лежит 6892 рубля. Изобретение мое не без выгоды.

А этот сумасшедший жил плохо: в квартире не было почти никакой обстановки. Мне стало надоедать глядеть на него в стекло, я постукал пальцем, он глянул, увидал меня, и я крикнул, как дураку:

- Ку-ку!

Он улыбнулся и закивал головой.

Было как раз 12 часов. Я слез со стремянки и сказал:

- Заприте, я пошел обедать.

Но сумасшедший выскочил за мной очень проворно и поймал за рукав:

- Откушайте со мной.

Я спросил: а что у него есть?

Побоялся, что селедка, картошка и кофий. Мне стало наплевать, и я остался.

Он представился: инженер Камкин. В соседней комнате на клеенке пили бурду и ковыряли картошку с чернотой. Селедки чухонка не дала, как он ей на пальцах не выворачивал. Глухая ведьма. Я его спросил, что он там чертит. Так и оказалось - изобретает. И даже изобрел уже, кончает. Разболтался, расхвастался: я, говорит, никогда этого не построю, на это надо громадный капитал. Другие не возьмутся, потому что это такое чудо, что никто не верит. Но мне, говорит, этого и не надо - я уверен. Я не делаю никогда моделей, у меня такое пронзительное воображение, что я все вижу как живое и никогда не ошибусь. Я знаю, как любая часть двигается. Если у меня поршень какой-нибудь, то я сам становлюсь на время поршнем и в моем воображении я двигаюсь с ним вместе, и если воображаю, что мало смазки, то у меня начинают болеть бока, будто я их натер. Я все вижу насквозь. Мне, по правде, и чертежа не надо было бы, но это для памяти.

Мне все-таки стало противно, что он хвастает своим воображением, и я сказал ему:

- А вы не врете, что так все видите в уме - ясно, как будто на самом деле? Давайте-ка проверим.

Я пошел на кухню, взял березовое полено. Затем я взял свой бурав и с плоской стороны полена начал сверлить дырку. Я просверлил на три сантиметра и вывернул бурав вон.

- Видите дырку, - сказал я Камкину. Теперь я перевернул полено. Я положил полено ничком. - Если вы не врале и все видите насквозь, как вы говорите, то вот сверлите сейчас же отсюда, с другой стороны, и попадите точно в мою дырку. Если не попадете, я вам дам по морде. Идет?

И я протянул ему бурав. Он ничего не сказал, взял бурав, придавил ногой полено и стал сверлить. Он был слаб и потел, задыхался. Бурав уж здорово зашел в дерево. И тут он сказал:

- Если я еще раз поверну, то в центре вашей дырки появится острие бурава.

- Поверните, - сказал я.

Он двинул бурав и пустил. Я перевернул полено: ровно из самого центра моей дырки блестел кончик бурава. Меня это озлило, и я сказал:

- Это фуksom. Случай!

Я принес острый ломик из моего инструмента. Ничего не говоря, я втащил мою стремянку и на тонкой бечевке подвесил ломик на крюк под потолком. Комнаты были пять аршин вышины и от острия до полу оставалось хороших четыре аршина. Я сказал:

- Прижмите ваши обе ладони к полу на палец расстояния одна от другой. Я пережгу веревку, и ломик должен вонзиться в пол между ваших рук. Имейте в виду: он семь фунтов весом.

Он ни слова не сказал и будто не поглядел даже на ломик-присел на колени и положил на пол руки, как я сказал. Я влез на стремянку и чиркнул спичку.

- Готово? - крикнул я, - что ж, потом не выть! Лом как шило!

Он ничего не ответил и не шевельнулся. Я осторожно зажег шпагат, чтоб не качнуть ломика. Ломик сорвался и чекнул в дерево - он вонзился в пол как раз между рук инженера.

- Ну, довольно баловаться, - сказал я.

Взял под мышку лом и бурав, сгреб стремянку и поволок в сени. Больше я с

ним не говорил. А когда собрался домой, я сунул голову в дверь и спросил его:

- А что ж вы изобретаете?

- Паспарту! - и двинулся ко мне.

- Ну, ладно, - сказал я, - завтра, завтра. А лом в руку не попал, потому что счастье. Знаете, кому всегда счастье? А? Ну, то-то! Прощайте.

На другой день я пришел кончать работу. Камкин сам мне отворил глухая чухонка звонков не чуяла. Он стал мне жать руку - он был в пальто:

- Побудьте, - говорит, - я пойду занять три рубля. Могут принести письмо, а Берта не услышит звонка и прозевает лампочку - у ней вспыхивает лампочка, когда звонят.

Я сказал - пусть идет, какое мне дело. Он поблагодарил - ив двери. Его комната была открыта. Я стал рассматривать на свободе его чертежи. Их была уйма. Начерчено было тонко и вообще замечательно. Но я мало понял. Но вот вижу: папка, открыл - в ней тонко исписано - целый пуд бумаги. Читаю: расчет скорости при обводах типа А. Потом маленько формулы, цифры, "а отсюда получаем" - галиматъя, я в ней ничего не смыслю. Перекинул листов 20. "Скорость у поверхности земли". Дальше. Крупно написано: "Скорость при погружении на любую глубину при средней плотности океанской воды 1,0026". Нырнул, значит, мой сумасшедший. Потом гляжу: "Скорость при прохождении через грунт... глина сухая под давлением слоя в 200 метров..." и опять маленькая галиматъя. Смотрю в конец: "...получаем около 70 метров в час". Уж, выходит, под землю закопался, что ли? Я листал и листал его записки, а краем уха прислушивался: дело спокойное - Берта, глухая ведьма, во всю старушечью мочь колотила на кухне полено, и я знал, где она. И вдруг через этот грохот слышу за плечом:

- Ах, вы интересуетесь?-Камкин.

Отворил, значит, своим ключом и накрыл меня. Я нарочно не сразу даже обернулся.

- Да, - говорю, - интересно. Только вздор.

И захлопнул папку. Он уцепился:

- Почему же вздор? Против чего вы возражаете? Нет, давайте. Покажите, что у вас вызывает сомнение?

И он раскрыл папку.

- Все, - отрезал я, - все чушь и галиматъя, от корки до корки!

Я хотел повернуться. Он покраснел, как свекла, и схватил меня за рукав. И тут он начал сыпать. Я стоял к нему боком, а он загораживал мне дверь и сыпал, сыпал. Потом я сел на его диван и стал на него смотреть. Он подсовывал мне свою махорку и без отдыха трепался вот уж полчаса. Расходился, хоть за пивом посылай.

- Я, - говорит, - все чувствую, всякий материал, всякую сталь, бронзу, алюминий, я знаю, как он прогнется, когда он сломается, я его чувствую, как скрипка струну! - Он вскинул головой, - скрипач, я говорю, - и сделал руки, будто играет на скрипке. - Я ведь привожу расчеты прочности не для себя, а для тех, кто верит только формулам и цифрам. Ведь приказчик в лавке не вычисляет, какой веревкой завязать пакет, чтобы не порвалось. Он чувствует. Вы сами не станете вынимать иголкой пробку из пивной бутылки, безо всякого расчета вам ясно, что иголка сломается. Но вот у меня это чувство тоньше, точнее, я все вижу, я знаю, где материал напряжен, как будто это была моя собственная рука, которая держала